

Вторник, 1 сентября 1992 года

Воскресенье.

Завтра — телепреьера «Александр Солженицын»

И СНИЛСЯ МНЕ ЗЛО ВЕЩЕЙ СОН...

«Я ПУЩУ к себе человека из России только тогда, когда она станет свободной», — сказал окрещенный «вермонтским отшельником» Александр Солженицын. О нелюбовности писателя, о колочих заборах, которыми он отгородился от мира, ходили легенды.

Теперь Россия ждет того, кто добывал ей свободу и был за это 18 лет назад насильно изгнан из СССР. Случилось и то, что был допущен в Вермонт человек, известный своими наигранными, простыми скандальными фильмами последних лет. Пять дней в апреле этого года снимал он вместе с телевизионной группой картину о писателе. Пять дней и еще не менее двух лет. Потому что, приезжая к писателю по другим делам, он осмысливал беседы с ним и снимал, снимал...

Вечером 2 и 3 сентября видеofilm Станислава Говорухина «Александр Солженицын» будет показан по первому каналу телевидения. А пока его смотрят журналисты и благодаря мастерству оператора Юрия Прокофьева как бы сами оказываются в северном штате Америки, в довольно глухом месте, удивительно напоминающем российскую глубинку, если бы не отличная дорога, приведшая к знаменитому забору, за которым открылась большая усадьба с двумя скромными деревянными домами — одним для работы, другим для жилья.

Все здесь просто, уютно и основательно. А может, ощущение особой надежности появляется от знакомства с семьей Солженицыных: с очень простой и естественной Натасей — женой писателя, ее мамой Екатериной Фердинандовной — великими труженицами, без всякой прислуги, без помощи единого человека ведущими не только большое домашнее хозяйство, но и работающими пресс-секретарем, редактором и корректором в своеобразном домашнем издательстве, подготавливающими для печатания большими тиражами книги как самого Александра Исаевича, так и других авторов.

Ощущение крепкого семейного гнезда с прекрасными человеческими устоями подкрепляется и знакомством с четырьмя сыновьями писателя. Книги, рояль и кругом — дерево: деревянный пол, деревянные стены, как бы источающие тепло и придающие комнатам особый уют. Деревянная часовня Сергея Радонежского. Иконы... И легко, и нелегко было писателю вырастить сыновей русскими; не просто отличными говорящими по-русски, а и в помыслах своих не оставившими Россию.

Да и как не быть тому, если отец — боевой офицер, осужденный режимом на 8 лет тюрьмы и вечную ссылку, получивший в концлагере самую страшную болезнь — рак (и чудом избавившийся от нее), если их многострадавший отец, 30 лет назад опубликовавший свои первые рассказы в «Новом мире» Твардовского и выдворенный с Родины, если даже сам Александр Исаевич не только думает о России, но и (это уже решено окончательно) возвращается назад.

Наверное, за него, как за знамя, будут бороться различные наши группировки. Учитывая это, появление говорухинского фильма будет особенно полезным, потому что в нем Солженицын предстает со всей своей непреклонной определенностью.

— Насилие не живет одно. Оно всегда сопряжено с ложью, — утверждают и Солженицын, и Говорухин. Один — на примере своей жизни, другой — на примере фильма о нем.

Только на третий день «гостевания» у него телевизионщиков разговаривал писатель. «Чтобы узнать, что с нами будет, мы должны понять, что с нами было... «Демократия — это власть народа, а не стальной кучки людей». «Коммунизм рухнул неокончательно. Рухнуло

жмут руку и приглашают к беседе.

Красивый, с виду интеллигентный человек ведет речь о писателе, который явно не любит свою Родину и, стараясь мстить за неудачно сложившуюся жизнь, всячески порочит страну в угоду рукоплещущему его писаниям гнилому Западу.

Вкрадчивая беседа затягивается. Приносят чай. С лимоном. Густой медовый цвет, какой-то особый аромат... Больше такого акусного чая мне не доводилось пить нигде. Чаю — сушки.

верхнее звено. А среднее объявило себя демократами».

Он в курсе всех наших дел, будто и не покидал Родину. Да и в самом деле, он не покидал нас ни на минуту.

Здесь, в огромном своем кабинете, где по стенам и в середине комнаты стоят большие столы, где нет ничего лишнего, а только то, что необходимо для работы, здесь завершил он свой непрерывный двадцатилетний труд над «Красным колесом» и теперь собирается писать только рассказы.

Говорухин нашел интервью с писателем, относящееся к 1983 году. «Я надеюсь вернуться в Россию. Я внутренне в этом убежден», — сказал, оказывается, еще 9 лет назад Александр Исаевич. Объявивший открытую войну коммунизму писатель сейчас, когда коммунизм пал, конечно, должен быть с нами. Потому что все, о чем он пишет, все, что он делает, неотделимо от нас самих, от каждого из нас. Вот почему фильм о человеке и его подвиге, о гражданине и писателе получился и фильмом о каждом из нас, о нашей с вами жизни, дорогие мои читатели.

...Я смотрю в окно и вспоминаю, как год назад поздно ночью здесь, на Ленинском проспекте, загромыхали танки. Сейчас тоже поздняя ночь. Статья написана. Теперь спать...

...Зазвонил телефон. Я словно бы и не удивилась, что поздно, ведь сообщение было архиважным: на завтра в высоком доме на Старой площади всем нам назначалась встреча.

В дверях двое корректных военных тщательно сверили пропуск с моими документами. Призватившая откормленная гардеробщица бережно приняла мой плащ. И вот уже в числе других «посвященных» я робко направляюсь к лифту. На этаже — снова военные. Снова проверка. И мы оказываемся в большом кабинете, где всем нам уважительно

Я вижу, как известный писатель-журналист из самой главной газеты страны подобострастно начинает грызть жесткие сушки, рискуя своими прекрасными вставными зубами. Собравшиеся польщены, улыбаются, благодарят за угощение. И высказываются. Вот оно: «отщепенец», «графоман», «литературный врасовец».

Старая, но все еще красивая писательница в дорогом парике, сверкая сатанинскими черными глазами, рассказывает, как всю ночь читала «эту гадость». Впечатление у нее тяжелое. Ведь она тоже сидела и может, как никто другой, свидетельствовать: все это ложь. Дама потрясает какими-то листочками.

«Все было не так, Солженицын все очернил. И вообще, разве можно его писания считать литературой!!!»

Собравшиеся вдумчиво кивают, улыбаются горячности коллеги. Это наши советские писатели. А о даме я недавно писала в моей газете... Но зачем же здесь я — простой журналист?

— А-а-а! Наверное, уже известно, что мне понравился новый фильм о Солженицыне, — лихорадочно сообщают я. — Как же быть?

И словно в ответ на мой испуг красивый хозяин кабинета мягко, доброжелательно, явно желая меня успокоить, просит высказать свое мнение. Нет, я не герой. Мне очень, очень страшно. И угораздил же меня черт посмотреть этот фильм! Я пересказываю рецензию. Ведь все равно они узнают... Смертельная тоска сдавливает сердце, и...

...И я просыпаюсь. Долго не понимаю, что проснулась совсем в другой стране. Той, где Станислав Говорухин снимает свои говорухинские фильмы. В той стране, в которую верил Солженицын и куда он возвращается теперь.

Тьфу, тьфу, тьфу — и надо же было присниться такой чертовщине!..

Д. АБРАМОВА.